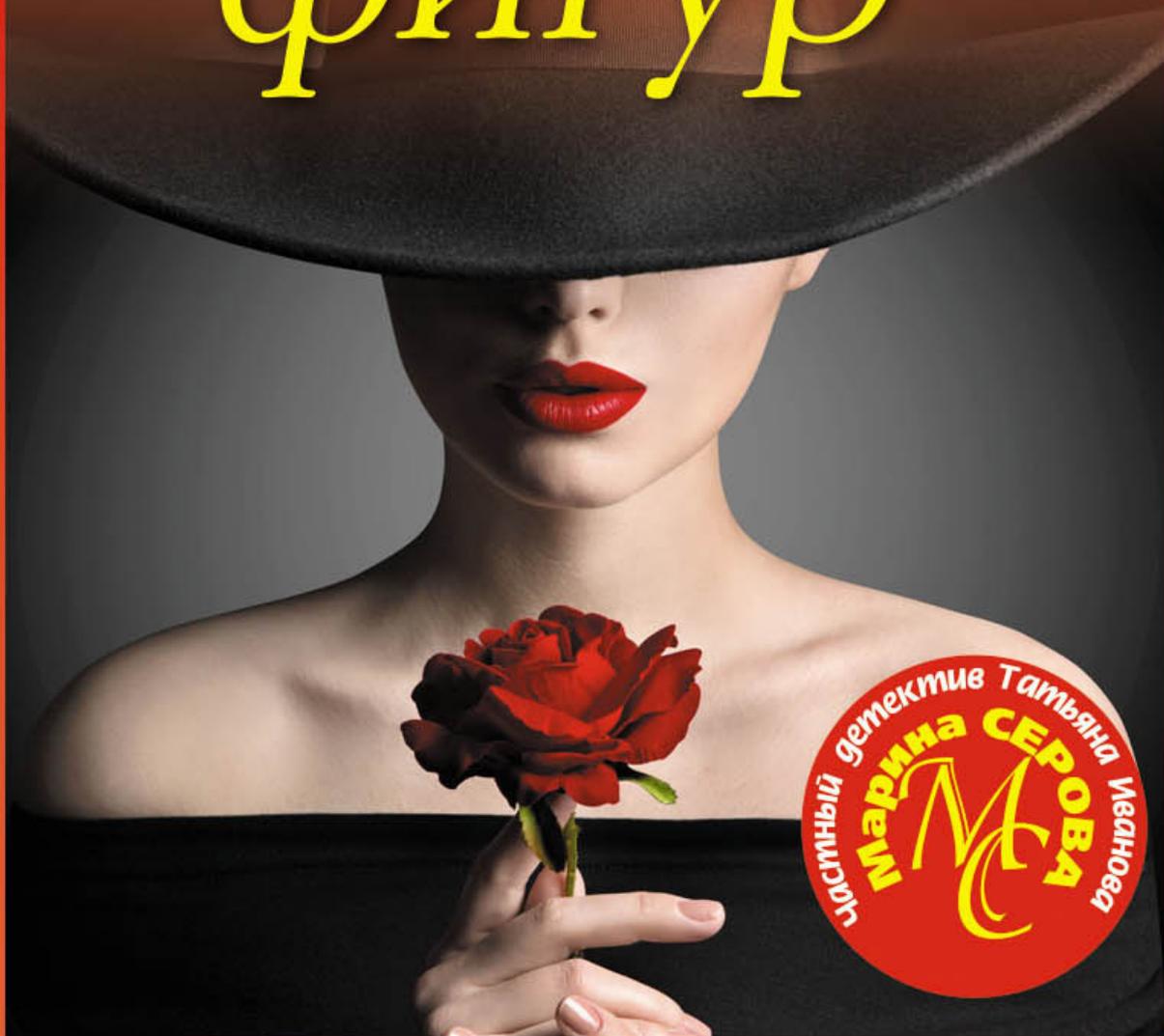

Марина
СЕРОВА

**Музей
НЕЖИВЫХ
фигур**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Музей неживых фигур

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Музей неживых фигур / М. С. Серова — «Эксмо»,
2018 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-099015-3

Поначалу частный детектив Татьяна Иванова думала, что задание ей досталось пустяковое: подумаешь, проследить за неверной женой и сделать компрометирующие ее фото. Но чем больше Иванова занималась слежкой за художницей Светланой Куприяновой, тем больше понимала — в этом деле не все так просто. Действительно ли Светлану и ее преподавателя в художественной академии связывают близкие отношения или это только ширма? А дальше произошло то, чего никто не мог ожидать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099015-3

© Серова М. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Музей неживых фигур

Глава 1

– Танюш, посмотри только, какая красотища! – воодушевленно щебетала Ленка, разглядывая очередной пейзаж с покосившейся лодочкой. Я ее восторга не разделяла: для меня все эти шедевры русской живописи были на одно лицо, только рамки разные, а в остальном – одна и та же речка, небо да кораблики. К тому же мне порядком надоело курсировать от одной картины к другой в течение целого часа. Я ругала себя на чем свет стоит: зачем согласилась составить подруге компанию в посещении музея? В живописи я совершенно не разбираюсь, дома у меня нет ни одной картины. Я искренне не понимаю, зачем вешать на стены какие-то пейзажи или натюрморты. Вспоминается мультик «Простоквашино» – какой толк в картине? Разве что дырку в стене закрыть. Благо, дырок у меня на обоях нет, потому и надобности в подобных украшениях я не вижу.

Ленка, как я ее называю, «французенка», похоже, иного мнения. Раньше я и не догадывалась, что, помимо своих уроков французского да заботы о детях, она еще чем-то увлекается. И, как оказалось, она без ума от изобразительного искусства. Я даже не предполагала, что поход в музей затянется так надолго. Последний раз на картины целенаправленно я смотрела разве что в школьные годы, во время обязательной экскурсии с классом. Тогда мы вроде пробежались по залам с гидом, послушали рассказы о некоторых картинах и спокойно потопали в гардероб за одеждой. Но сегодня ситуация была иной. Мне приходилось терпеливо ждать, пока Ленка рассмотрит каждую выставленную картину, выскажет свое мнение, изольет на меня восторг и перейдет к изучению следующей инсталляции. Я же изнывала от скуки. Похоже, подруга не успокоится, пока не обойдет все залы – и как она умудряется не уставать? У меня, например, начала болеть спина и затекли ноги, и я присела на лавочку. К тому же хотелось курить, но для этого надо было дожидаться, когда мы наконец-то завершим наше культурное развлечение и спустимся в гардероб за вещами. Хотя бы кофейный автомат в зале поставили, что ли... Я бы точно не побрезговала гадостью, которую наливают в одноразовые стаканчики, – глядишь, и время бы побыстрее протекло. Увы, никто не подумал о том, что среди посетителей музея могут находиться кофеманы – наверно, картинами любят создания «не от мира сего», которым достаточно духовной пищи. Я к подобным существам явно не относилась и вместо созерцания шедевров мировой живописи предпочла бы нормальный обед в кафе или ресторане. И чего Ленке взбрело в голову тащиться в музей? Лучше бы она решила смотаться в магазин за шмотками, и то не так скучно...

Сидеть на лавочке мне тоже надоело, и я твердо решила приложить все усилия, дабы вытащить Ленку из музея. Взглянула на часы мобильного – мы уже полтора часа любуемся картинами, пора бы завершать культурную программу. Я подошла к подруге и заявила, что собираюсь на выход. Ленка сперва даже не услышала меня: она внимательно изучала очередной пейзаж с рыбацкими лодками. Картина, а точнее, этюд, как говорится по науке, была маленькая, зато рама впечатляла своими размерами. Интересно, зачем для небольшой картины такой огромный багет? На что смотреть в первую очередь – на пейзаж или на раму?..

– Ты что, так рано уходить? – поразилась Ленка, осмыслив сказанное мною. – Тут же еще залы на втором этаже! Мы посмотрели меньше половины!

– Не знаю, как ты, но я устала! – честно призналась я. – К тому же живописью я никогда не увлекалась, и мне впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь. Хочешь – смотри дальше одна, я пас. К тому же есть хочу.

– Ну ты даешь! – всплеснула руками подруга. – Неужели тебе не нравятся картины? В них же целый мир заключен! Это тебе не фотографии какие, тут душа художника в каждой!

– Гм, похоже, я бесчувственная табуретка, – решила я. – Но ни души художника, ни прочей возвышенной ерунды я, увы, как-то не замечаю. А чем тебе не нравятся фотографии? По-моему, особо ничем от картин не отличаются, только понятнее и красивее.

– Эх, почему мы без экскурсии ходим! – вздохнула Ленка с грустью. – Для обычного человека нормально не понимать картин, а для этого и берут гида. Если б нам про полотна рассказывали, тебе было бы куда интереснее. В следующий раз обязательно экскурсию возьмем!

Ну уж нет, подумала я про себя. Следующего раза точно не будет, теперь я не поведу на предложение Ленки «отдохнуть культурно». И какое счастье, что мы не заказали еще и экскурсию – пришлось бы мало того что ждать, когда гид все расскажет, а потом еще и ходить самостоятельно. Можно считать, сегодня я легко отделалась...

– Хочешь, я тебе расскажу про картины? – спохватилась подруга. – Я, конечно, не экскурсовод, но очень люблю творчество Боголюбова. Он писал все свои этюды с натуры, очень быстро, чтобы запечатлеть то, что видел. Живопись – это не фотография, в один миг картину не сделаешь, но художники, например, импрессионисты, умели несколькими мазками кисти отобразить состояние природы и передать свое настроение. Помнишь работы Клода Моне?

– Да ничего я не помню! – вскипела я. – Давай я тебя в другой раз послушаю? Уж извини, но мне надо хотя бы покурить, все эти твои картины у меня мельтешат перед глазами, и я скоро свихнусь от всего этого. Я тебя не тороплю, хочешь – оставайся.

– Ну мы же вместе пришли, – покачала головой Ленка. – Если тебе так не нравится, ладно, иди покури. Я тоже пойду с тобой, можем по дороге в кофейню заглянуть. Согласна?

– Вот это как раз в тему! – довольно кивнула я головой. – Ладно, я тогда в гардероб, подожду тебя на улице.

Ободренная предложением подруги, я быстренько забрала сумку и пальто – на улице октябрь, погода довольно холодная, а утром небо хмурилось в предчувствии дождя – и вышла на крыльцо музея. Здание находилось рядом с тенистым парком, и я отошла к ближайшей лавочке с урной, чтоб не дымить рядом с высококультурным заведением. Даже если окажусь в Петербурге, ни в какой Эрмитаж не пойду. Пускай другие туристы развлекаются подобным образом, я лучше по городу погуляю, чем изображать из себя ценителя искусства.

Пока я удовлетворяла свою потребность в порции никотина, а заодно ждала подругу, погода испортилась окончательно. Подул промозглый осенний ветер, на землю упали первые капли мелкого неприятного дождика. Я зябко поежилась. Мало того, приехали мы не на машине, а на маршрутке, так еще и зонты с собой не взяли. Обрато точно поеду на такси – ненавижу общественный транспорт, согласилась ехать на автобусе только из-за Ленки. Не захочет ехать на такси – пускай добирается сама как знает, я же не собираюсь мокнуть под дождем на остановке. Неудобно, когда машина на приколе. Но зато после модификации подвески я смогу добраться повсюду в любую погоду.

Я выбросила окурок в мусорку и посмотрела на двери музея. Ленка что-то не торопится, видимо, не может отойти от своих картин. Что с нее возьмешь – «француженка», она и есть... Ладно, подожду еще минут пять и позвоню ей, пока я не передумала насчет кафе.

Однако с телефонным звонком меня опередили – мобильник издал привычную мелодию, и я полезла в карман. Наверно, Ленка: решила остаться смотреть живопись дальше. Ладно, насильно вытаскивать ее не буду, поеду домой, там и попою кофе. Надо бы в магазин по дороге заскочить, скажу таксисту, чтоб остановил возле продуктового...

Но интуиция меня подвела. Звонили с незнакомого номера, экран выдал комбинацию из одиннадцати цифр неизвестного абонента. Заинтригованная, я поднесла трубку к уху. Может, предвидится новая работа? Было бы неплохо, с предыдущего расследования прошло больше недели, и отдохнуть мне порядком надоело...

– Татьяна Александровна Иванова? – вежливо спросил приятный низкий мужской голос.

– Она самая, – подтвердила я. – Слушаю вас.

– Меня зовут Павел. Павел Федорович Куприянов, – назвал себя мой собеседник. – Мне вас рекомендовали как хорошего частного детектива, и я хотел бы прибегнуть к вашим услугам.

– Хорошо, – проговорила я, внутренне обрадовавшись. Хотя если дело скучное, подумаю, браться ли за него. Если на заре своей карьеры я расследовала любые, даже самые банальные преступления, то теперь к заказам отношусь придирчиво. Даже не знаю, что для меня на первом месте – гонорар или интересное дело. Больше склоняюсь ко второму, мне жаль тратить свое время на пустяковые расследования. А вот над чем-нибудь сложным и запутанным всегда с радостью поломаю голову...

– Вам удобно сегодня встретиться? – деловито поинтересовался Павел Федорович. – Сами понимаете, по телефону объяснить суть проблемы сложно, да вас наверняка интересуют подробности...

– Да, я готова вас выслушать, – заверила я его, поглядывая в сторону музея. Видимо, наши с Ленкой сиделки в кафе придется отменить, но, думаю, она против не будет. До сих пор на улицу не вышла, поди, забыла, что я ее жду...

– Я предпочитаю обсуждать дела на нейтральной территории, – заявил Куприянов. – В центре города, недалеко от улицы Фурмана, есть замечательное тихое местечко, кофейня «Ундина». Прекрасное обслуживание, хорошие блюда и напитки. Если вы не возражаете, мы можем встретиться там и не спеша все обговорить.

Да мне все равно, подумала я. Хоть «Ундина», хоть «Ассоль», разницы не вижу. Хотя интересно знать, где находится сие заведение. Сколько раз бывала в центре Тарасова, подобной кофейни не замечала. Может, новое недавно открылось, кто его знает. Странное название выбрал владелец кафе, ничего не скажешь. Может, там морские блюда какие подают? С водорослями или корейскую закуску под рыбу. Нет, в кофейне подобного вряд ли увидишь, что я в самом деле придираюсь к названию. Ведь не поесть-попить туда собираемся, а по делу говорить.

– Скажите точный адрес, – попросила я собеседника. – Я в настоящий момент недалеко от Фурмана нахожусь, могу подъехать куда нужно.

Павел Федорович продиктовал мне номер дома, в котором располагалось загадочное кафе, названное в честь произведения Жуковского, и мы условились встретиться у входа заведения.

– Вы сразу его найдете, – предупредил меня Куприянов. – Вывеска большая, здание девятиэтажное. На первом этаже.

– Поняла, – кивнула я, забыв, что меня собеседник не видит. – Через пятнадцать-двадцать минут буду.

Я набрала номер Ленки предупредить, что не смогу ее дождаться, но подруга трубку не брала. Мне надоело слушать гудки – видимо, телефон она выключила, дабы никто не отвлекал ее от созерцания произведений искусства, – и я поспешила в сторону остановки, чтобы не опоздать на встречу.

Кофейня «Ундина» и вправду находилась практически на углу улицы Фурмана, в центре нашего небольшого города. Странно, что раньше я не обращала внимания на это здание – девятиэтажное и высокое, видимо, жилое. Кофейня открылась сравнительно недавно – я была уверена, что еще год назад вместо нее здесь находились обычные жилые помещения. С первого взгляда было видно, что заведение не из дешевых: во-первых, на это указывало местоположение кафе, во-вторых, сразу бросалось в глаза красивое, стильное оформление кафе-терия. Прямо под вывеской, написанной под старину, я увидела изображение красивой русалки, явно руки талантливого художника. Никакой кричащей пошлости и вульгарности – мастерски написанное лицо, кудрявые волосы, плавные изгибы девичьей фигуры. Я даже на несколько

минут остановилась перед входом, созерцая впечатлившую меня картину. Да, выходит и мне не чуждо чувство прекрасного, я-то полагала себя далекой от мира искусства...

Резкий порыв промозглого ветра вернул меня из мечтательно-возвышенного состояния в нынешнюю действительность. Я же тут по делу, а не для разглядывания красивых вывесок! Куприянов, поди, давно ждет меня у входа, а я себе прохлаждаюсь... Конечно, дамам свойственно опаздывать, но я в первую очередь частный детектив, а не изнеженная барышня.

Я решительно толкнула дверь и вошла в помещение. Я почувствовала сладковато-ореховый запах свежеприготовленного капучино и нежный аромат выпечки, отдающий шоколадом и ванилью. Я непроизвольно слотнула слюну и вспомнила, что еще не обедала. В еде я абсолютно неприхотлива и не настаиваю на традиционном ланче из первого и второго – сейчас, например, с радостью заказала бы себе пирожков и плитку шоколада вместе с эспрессо. Надеюсь, в кофейне его варят по всем правилам – что я абсолютно не переношу, так это растворимую дрянью, именуемую «кофе» в каких-нибудь забегаловках. Поэтому предпочитаю готовить кофе сама, однако к профессионализму бариста кофейни «Ундина» я почему-то заранее прониклась доверием.

Сидящий за расположенным неподалеку от входа столиком высокий мужчина в пальто обернулся, и я поняла, что это и есть тот самый Павел Федорович Куприянов, с которым я беседовала по телефону. Он сообщил мне, что будет одет в черное пальто, а среди немногочисленных посетителей кафетерия других людей в подобной одежде я не увидела. Я подошла к столику и села на соседний стул. Не успели мы поздороваться, как перед столиком возникла официантка в черном длинном фартуке с логотипом кофейни и, вежливо поприветствовав нас с заученной улыбкой, приготовилась записывать наш заказ.

Куприянов, похоже, часто бывал в кафе «Ундина» – он сразу же заказал американо без сахара и какой-то сэндвич с экзотическим названием, которого я никогда не слышала. Я пробежала глазами меню, пестревшее незнакомыми мне наименованиями блюд к кофе, и остановила свой выбор на эспрессо и сладкой булочке с шоколадной глазурью. Посмотрю, как выглядит бутерброд моего собеседника, если что, закажу себе такой же.

Официантка быстро ушла выполнять заказ, и я обрадовалась, что наконец-то узнаю, какое дело мне собирается поручить Куприянов. Кроме нас, в кафе находилось еще двое посетителей – пожилая пара, по виду люди неторопливые и обстоятельные. Женщина лет пятидесяти пяти, в длинном пальто ручной вязки и подходящем по тону берете, медленно смаковала какой-то напиток, а мужчина, лица которого я не видела, вел с ней чинную беседу. Супруги, как я их окрестила, сидели вдалеке от нас, поэтому, о чем они говорят, было не слышно. Играла тихая, спокойная музыка, приглушенно горел уютный свет. В таком месте о делах говорить как-то не хочется – наоборот, вся обстановка и персонал кафетерия располагали к отдыху и покою.

– Дело касается моей жены Светланы, – нарушил мое умиротворенное состояние Куприянов. Что-то я сегодня витаю в облаках – может, сказалось посещение музея, может, контраст между холодной погодой и уютным кафе, – но я с трудом концентрировала свое внимание. Будем надеяться, что бодрящий кофе вернет мне способность трезво мыслить и логически рассуждать. Что тут скажешь – частный детектив должен быть далек от сентиментальности и в любой ситуации сохранять холодный ум и выдержку.

– Я вас внимательно слушаю, – кивнула я. – Расскажите все по порядку.

– Для начала скажу пару слов о себе. И о нас со Светой, – начал свой рассказ Павел Федорович. – Я познакомился со Светланой в Санкт-Петербурге – до недавнего времени я жил там, у меня было свое дело, связанное с сетью закусовых. В моей семье подобный бизнес, можно сказать, традиция. Мой родной брат Николай был управляющим кофейен в Тарасове, ему это дело досталось от нашего отца. Я же после окончания университета перебрался в Северную столицу, где и собирался обосноваться.

Со Светланой я как раз и познакомился в одной из своей закусточных. Я приехал в кафе «Встреча» по делу – требовалось решить, брать ли на работу нового бариста, а к подбору персонала я относился очень внимательно и никого не нанимал без личного собеседования. Парень опаздывал, и я сразу решил, что устрою ему серьезный экзамен – терпеть не могу непунктуальности и несобранности. Поначалу я даже ждать не собирался, однако бариста мне порекомендовал один хороший знакомый, утверждал, что у молодого человека настоящий талант к приготовлению напитков и такого одаренного бариста упускать нельзя. Я засекал на часах время – решил, что подожду ровно пятнадцать минут, ни секундой больше, – и уселся за столик. Заказал себе что-то из напитков и внезапно увидел ее – с блокнотом и карандашом в руке. Светлана, а это была моя будущая жена, меня сразу заинтересовала, я завязал с ней беседу, ну и, собственно, дальше все потекло по предсказуемому сценарию. Не буду вдаваться в подробности, скажу, что спустя пару-тройку месяцев после знакомства мы расписались.

В Санкт-Петербурге Светлана работала в багетной мастерской – в основном писала на заказ портреты. Хотя я и не разбираюсь в живописи, мне всегда казалось, что моя жена не просто талантлива, а даже гениальна. Во всяком случае, я видел ее работы, и, на мой взгляд, люди на картинах Светланы выглядят как живые, в придачу ко всему она как-то улавливает особенности лиц и выражает их характерные черты. Светлана рассказывала, что после окончания школы она переехала во Францию, где училась в Парижской школе изящных искусств. Не знаю, почему она решила вернуться в Россию – конечно, здесь ее родина, может, потянуло в родные края. Петербург нравился и ей, и мне. Этот город дает большие возможности любому человеку, чем бы он ни занимался. Поэтому возвращаться в Тарасов ни я, ни жена не собирались.

– Но, несмотря на это, вы все-таки живете в нашем городе, – заметила я.

– Да, нам пришлось оставить Санкт-Петербург, – подтвердил Куприянов. – Я уже говорил, что мой брат Николай держал здесь сеть кофеен. Однажды я получил письмо, в котором говорилось, что Коля умер от рака желудка. О своем диагнозе он знал давно, лечился в разных клиниках, и вроде как ему становилось лучше. Но за считанные месяцы его состояние резко ухудшилось, не помогали ни врачи, ни дорогостоящие препараты. Я собирался вместе с женой приехать в Тарасов навестить его во время отпуска. Увы, мы не успели – Николай умер, хорошо, что не сильно мучился. Мы тут же купили билет на поезд, чтобы успеть проводить его в последний путь. В Тарасове я узнал, что Коля оставил завещание, в котором говорилось, что он передает мне управление сетью кофеен. Его последней просьбой было, чтобы я не передавал никому другому его дело: он вложил в бизнес всю душу и хотел, чтобы я продолжил его. Мне не оставалось ничего другого, кроме как решиться на переезд в Тарасов. Да, в Петербурге было замечательно, но сами понимаете, нельзя нарушать последнюю волю умершего, тем более что к Николаю я всегда относился как к лучшему другу. Мы даже в детстве никогда не ссорились, а во взрослом возрасте поддерживали друг друга и помогали. Я до сих пор виню себя в том, что, переехав на постоянное жительство в Петербург, мало общался с братом. Ведь я знал, что у него рак, и надо было взять отпуск и приехать в Тарасов, но увы... Всегда находится куча причин не совершать какой-либо поступок. Хотя это не причины, а скорее отговорки. Было бы желание, возможность всегда найдется... Ну да ладно, что я о своих переживаниях. Итог таков: мы со Светланой переехали жить в Тарасов, и, к моему счастью, жена не сильно расстроилась, что пришлось покинуть Петербург. Я очень боялся, что здесь она не найдет себе работу по специальности, в провинциальном городе людям творческих профессий приходится довольно сложно. При моем заработке Светлана могла бы не работать, но ей постоянно требовалось отдавать себя какому-либо занятию. Поначалу мы так и решили – что одну комнату в квартире обустроим под мастерскую, чтобы Света могла творить дома. Собственно, август так и прошел – я работал, а жена писала дома натюрморты с цветами. Но потом ей стало скучно, подруг у нее не было, а я приходил домой поздно вечером, мне приходилось проводить

все время в разъездах, то нужно было на собеседование с потенциальными работниками, то уладить вопросы касательно закупаемых товаров... Не буду вдаваться в подробности работы управляющего кофейнями, это опять-таки к делу не относится. А, кстати...

Куприянов оборвал свой монолог и кивнул в сторону стойки с ассортиментом кофейни:

– Это место, где мы с вами беседуем, – кафе «Ундина», – совместное наше с Николаем детище. Коля успел только выбрать место и нанять дизайнера для создания соответствующей обстановки. В детстве у нас была красивая красочная книга – сказка Жуковского «Ундина». Не помню точно, какой-то перевод, адаптированный для детей. Этот томик был любимой книжкой брата – он перечитывал ее даже во время учебы в университете. Поэтому и название у кофейни такое, а вывеску оформляла Светлана. Мы вместе с ней придумывали и ассортимент блюд и напитков. Собственно, я это говорю, чтоб вы лучше поняли суть моей работы.

– Здорово, – восхитилась я, пододвигая к себе чашку кофе и блюдце с булочкой. Официантка принесла наш заказ, и я с любопытством бросила взгляд в тарелку Куприянова – интересно ведь, на что похож его неведомый сэндвич. Хлеб смотрелся как нарисованный – с поджаренной корочкой, ярким изгибом приятного зеленого листа салата, ломтиками помидора и фигурно вырезанными дольками огурца. Похоже, закуска вегетарианская, по виду сэндвич должен оказаться очень вкусным. И моя булочка, и бутерброд собеседника выглядели очень аппетитно, а от кофе доносился поистине божественный аромат обжаренных кофейных зерен. На вкус напиток оправдал все ожидания – крепкий, бодрящий, совсем как я люблю. Я похвалила талант и с наслаждением попробовала сладкую булочку. Что тут скажешь – Куприянов умеет грамотно подбирать персонал, повар в его кофейне обладает потрясающими способностями к кулинарии.

– В конце лета Света сказала, что не может уже находиться одна дома – прогулки по городу ей тоже наскучили, Тарасов не такой большой, как Петербург, и музеев здесь не слишком много. Но и в багетной мастерской работать ей не хотелось. Неожиданно жена заявила, что всегда мечтала открыть для себя что-то новое в живописи, а учиться она всегда любила. На момент нашего знакомства Светлане исполнилось тридцать семь лет, она младше меня на четыре года. В отличие от других женщин моя жена никогда не скрывала своего возраста. Даже косметикой она пользуется редко, что, впрочем, меня и подкупило в ней. Я ценю в женщинах благородство и естественность. Света не яркая красавица, но у нее живое, искреннее лицо и добрая, светящаяся улыбка. Да, вот ее фотографии...

Павел Федорович вытащил свой смартфон, нажал на что-то и протянул мобильник мне. Я увидела фото женщины средних лет с волнистыми темными волосами до плеч и карими глазами. Светлана, как я поняла, улыбалась – у нее и правда была красивая улыбка, которая придавала ей немного загадочный вид. Женщину ни капли не портила сеточка тонких морщинок возле уголков глаз и на лбу, видимо, она часто морщит его. Насколько позволял разглядеть снимок, Светлана косметику игнорирует – разве что иногда наносит тональный крем, но не более того. В целом женщина произвела самое положительное впечатление – неудивительно, что Куприянов сразу обратил на нее внимание.

Я протянула телефон Павлу Федоровичу и кивнула в ожидании услышать продолжение истории. Куприянов истолковал мой жест верно и продолжил:

– Света нашла какое-то художественное заведение в нашем Тарасове – оно открылось недавно, называется «Институт декоративно-прикладного искусства и народного творчества». Светлана рассказывала, что это училище – несмотря на название, там дается среднее образование – единственное в городе, где обучают таким редким в наши дни специальностям, как лаковая миниатюра, иконопись, художественная вышивка, кружевоплетение, и чему-то подобному. Как я понял, задача заведения – возрождение исконно русских традиций. Как ни странно, в эпоху развитых компьютерных технологий все большую популярность приобретают, казалось бы, забытые ремесла. Например, в Петербурге многие люди платят огромные деньги за изделия

ручной работы, покупают салфетки в технике вышивки гладью, ювелирные изделия, выполненные мастером, вязаные платья... Вот и в Тарасове решили открыть такую школу. Света выбрала самое сложное отделение, где обучают иконописи и миниатюре. Она говорила, что на этом факультете нужно учиться шесть лет, тогда как на остальных – четыре года. В институт можно поступить на бюджетное отделение, и, если бы Светлана не имела оконченное Парижское художественное заведение, она с легкостью бы набрала на экзаменах высокие баллы. А так как второе образование платное, то Свету взяли на коммерческое отделение. Но я не возражал: мы можем себе позволить платить требуемую сумму за обучение, для меня главное, чтобы жене нравилась учеба и она не скучала одна дома. Этой осенью Светлана начала ходить на пары, подобно другим студенткам, как прилежная ученица, по вечерам выполняла домашние задания. У нас по всей квартире теперь лежат листы с какими-то орнаментами, валяются тюбики с масляными красками, ну и прочие атрибуты художников... Факультет Светланы самый сложный, от студентов требуется не только талант и способности к рисованию, но и усидчивость вкупе с невероятной работоспособностью. То, что Свете нравится учиться, я понял сразу же – теперь все наши разговоры были только об ее занятиях и о необыкновенно одаренном преподавателе Романе Александровиче.

Куприянов сделал паузу и отпил свой кофе. По его голосу, который несколько изменился, я поняла, что мы подошли к сути вопроса. По крайней мере, имя преподавателя Павел Федорович выговорил крайне неприязненным тоном.

– Поначалу я радовался, что Света так увлечена своими занятиями, – рассказывал мой собеседник. – Но потом меня несколько насторожило, что жена проводит слишком много времени в художественном училище. У студентов любого художественного заведения пары заканчиваются в пять, максимум в семь вечера. Света же иногда задерживалась до девяти и возвращалась домой затемно. Даже я приходил с работы раньше, чем она. Ну и дома – все разговоры об этом Романе Александровиче. Послушать ее – так он бог и король, прямо-таки идеал. Свете почти сорок лет, а об учителе этом она рассказывает как наивная влюбленная школьница! Представляете, каково мне было ее слушать? По ее словам, он считает ее одной из лучших учениц, дает ей какие-то сложные задания. Я как-то пошутил в его адрес – немного язвительно, правда, – так видели бы вы реакцию Светы! Она сразу бросилась защищать своего обожаемого Романа Александровича, я рассердился, и мы с ней впервые в жизни крепко поссорились. Она меня тоже сильно обидела. Я тогда спросил, может, ты за него замуж выйдешь, раз он такой идеальный, так она заявила, что с радостью бы вышла, не будь он женат, потому что я не понимаю и никогда не пойму настоящего искусства, настоящей живописи. Тогда я всерьез стал подозревать, что между Светой и этим Романом – отношения не совсем как между ученицей и учителем.

– То есть вы полагаете, что ваша жена вам изменяет с преподавателем? – уточнила я. Куприянов немного подождал, а потом кивнул.

– Да, вы правы, – подтвердил он мою догадку. – К сожалению, это так. Я очень не хотел верить в то, что Света не верна мне, но в последнее время я все больше убеждаюсь в справедливости своих подозрений. Я очень люблю Свету, стараюсь дать ей свободу, хотя, увы, у меня ревнивый характер. Но лучше, если все по-честному: раз она изменяет мне, какими бы у нас ни были отношения в прошлом, я без колебаний подам на развод. Но у меня нет ни малейших доказательств – только подозрения. Сам я не имею возможности следить за ней, да и не хочу, сказать по правде. Поэтому и собираюсь нанять частного детектива, то есть вас.

– Следовательно, вы хотите, чтобы я проследила за Светланой, узнала, чем она занимается в своем училище, помимо пар и заданий, и предоставила вам доказательства ее виновности или невиновности. Я правильно поняла? – конкретизировала я.

– Да, все именно так, как вы говорите, – грустно кивнул головой Павел Федорович. – Если Света мне изменяет с этим Романом Александровичем, мне нужны соответствующие

фотографии. Ну, записи их разговоров и все в этом роде. Я не хочу выглядеть наивным дураком, которому жена втихую наставляет рога. Если я буду уверен, что жена мне не верна, подаю на развод сразу же. Я хочу вас нанять еще и потому, что Света записалась на курсы масляной живописи, которые ведет ее несравненный преподаватель. Мне это сразу показалось странным: зачем ей курсы, если на уроках они и так пишут масляными красками? Ладно бы они работали другим материалом, тогда понятно, что Света хочет попробовать что-то новое. Но, насколько я знаю, она превосходно владеет всеми техниками масляной живописи, и платные курсы – только пустая трата денег и времени. Ну, или повод подольше «общаться» с Романом Александровичем. А других учениц на курсах мало – иногда Света и вовсе занимается одна. Даже думать не хочу, что у них там может происходить, сразу противно становится...

Куприянов ожесточенно вонзил лежащий на столике нож в свой несчастный бутерброд и со злостью отрезал почти половину, видимо, забыв о том, что подобную закуску едят руками. Ни в чем не повинный сэндвич печально распался по тарелке, потеряв весь свой изысканный вид. Наверно, Павел Федорович не возражал бы, если б на месте бутерброда сейчас оказался ненавидимый им Роман Александрович. Мужчина, выплеснув свою ярость, отложил столовый прибор в сторону, но к закуске так и не притронулся, только отпил еще глоток кофе из чашки. Я спокойно доела свою булочку и допила уже остывший кофе.

– Как часто проходят курсы? – решила я уточнить все интересующие меня детали, про себя прикидывая, каким образом можно следить за Светланой.

– Два раза в неделю, – тут же ответил Куприянов. – По понедельникам и четвергам, с семи до девяти вечера. Света иногда остается до половины десятого, объясняет это тем, что пишет медленно и не успевает. А Роман Александрович, видите ли, настолько добр к своей ученице, что разрешает ей поработать лишних полчаса. Цирк, да и только...

Я про себя подумала, что пока не знаю, соглашаться ли мне на работу Куприянова. Я ожидала нечто более интересное – хотя бы расследование какого-нибудь преступления, необязательно убийства: я не настолько кровожадна, мне хватит и кражи, пускай только преступник будет достойным противником и потрудится получше замести следы. За неверными женами я, конечно, следила, только увлекательным занятием это не назовешь. Подумаешь, задача: сделать пару-другую фотографий, поставить где надо «жучки» – и считай, барышня поймана с поличным, если, конечно, она и впрямь занимается развлечениями на стороне. Павел Федорович истолковал мое молчание по-своему.

– За работу, естественно, я заплачу, – быстро сказал он. – Мне говорили, вы берете двести долларов в день? Я готов платить вам в два раза больше. Как вы сами понимаете, деньги для меня не вопрос, главное – я не хочу быть слепым идиотом, которому изменяет жена.

Гм, четыреста долларов в день. Пожалуй, стоит взяться, тем более особых дел у меня пока нет, по-быстрому разоблачу эту Светлану, получу свой гонорар и со спокойной совестью куплю себе что-нибудь хорошее, доброе, вечное. Ну или смотаюсь куда на пару деньков, может, в тот же самый Петербург, давненько я там не бродила...

Окончательно мои сомнения развеяла следующая фраза Куприянова.

– Работа, конечно, тяжелая, как я понимаю, – задумчиво проговорил он. – В институт этот постороннему человеку попасть невозможно – там работает пропускная система, и людей с улицы туда не пускают. Невозможно даже попасть к секретарю – только абитуриентов пускают летом, перед экзаменами. Светлане-то удалось подать документы, и то лишь по простой причине, что у нее был с собой диплом об окончании Парижской школы искусств и заявление на платное обучение. Вроде еще есть день открытых дверей, когда любой желающий может посетить какие-то мастер-классы и узнать о факультетах художественного заведения. Но он не скоро – вроде в середине весны, точно не знаю. Поэтому, если вы потребуете плату больше, чем я предлагаю, я согласен на все. Так что, возьметесь за мое дело?

– Хорошо, я согласна, – кивнула головой я. Куприянову не следует знать, что на принятие моего решения повлияло не его согласие платить мне хороший гонорар, а именно трудность работы – что поделать, такой у меня характер. Не могу заставить себя заниматься скучными и неинтересными делами, если расследование – так подавайте что-нибудь этакое, не банальное. Я слишком ценю свое время, чтобы тратить его впустую, предпочитаю получать удовольствие от своей работы, а не заниматься чем придется только ради заработка.

Глава 2

К вечеру накрапывавший дождик превратился в сильный ливень, обильно поливающий асфальт дорог и барабанивший по крышам домов. Небо заволочла плотная свинцовая завеса, без малейших признаков просвета. Я была рада, что вызвала такси к кофейне «Ундина». Несмотря на то что машина довезла меня прямо до дома, я умудрилась промокнуть в считанные минуты, пока добегала до подъезда. Ни в какой продуктовый магазин желания идти не было – решила на худой конец заказать пиццу на дом, в холодильнике у меня вроде осталась вчерашняя картошка с курицей, доедать которую не было ни малейшего желания. Я порадовалась про себя, что не нужно выходить за сигаретами – всегда слежу за тем, чтобы дома оставалась пара пачек про запас.

Укутавшись в теплый домашний свитер, я включила чайник и посмотрела на кухонные часы. Семь вечера, для кофе, конечно, поздно, придется довольствоваться зеленым чаем. Я открыла экран ноутбука и вошла в Интернет. Пожалуй, посмотрю, что представляет собой этот самый «Институт благородных девиц», как я его окрестила про себя. Так, как он там зовется... Ага, Тарасовский институт декоративно-прикладного искусства и народного творчества, надо же, они и сайт успели сделать! Что там про правила приема?.. Допускаются люди любого возраста после сдачи вступительных экзаменов и обязательного собеседования. Я ткнула мышкой в значок «Факультеты». Всего в училище насчитывается шесть отделений: самое главное – «Иконопись и лаковая миниатюра», далее – «Ювелирное искусство», «Косторезное искусство», «Художественная вышивка», «Художественное кружевоплетение» и «Декоративная роспись тканей», по-другому, «Батик». Я отметила про себя, что вступительные экзамены для поступающих на отделение иконописи отличаются от других факультетов: будущие иконописцы должны рисовать гипсовый слепок головы какого-то Антиноя или Сократа и выполнить живописный натюрморт с геометрическим телом. Остальные абитуриенты рисуют нечто под странным названием «гипсовая розетка» и пишут натюрморт из бытовых предметов. Мне стало интересно, и я нашла образцы вступительных работ. «Розетка» оказалась гипсовым барельефом, изображающим цветок с восемью лепестками или лист клевера. Как выглядит Сократ, я себе примерно представляла: на рисунке был изображен старенький лысый дед с кудрявой бородой и шишкой на голове. Антиной, напротив, оказался женоподобным юношей с пухлыми губками и длинным прямым носом, с кудрявой шевелюрой. Постановки для живописи у иконописцев были намного сложнее, чем для остальных абитуриентов. Мало того, предметов больше – на картинке соседствовали металлический чайник, коричневый кувшин с букетом сухостоя, маленькая керамическая чашка, гипсовый конус и пара яблок, так еще и обилие разных тканей, я бы такое точно в жизни не изобразила. Остальным натюрморты давали попроще – из предметов быта: один чайник или что-то в этом роде плюс разнообразные фрукты. Ну и тряпок поменьше – максимум три однотонные ткани, преимущественно в одной цветовой гамме. Хотя что касается меня, с рисованием я даже в школе не дружила, обычно задания по изо либо игнорировала, либо просила сделать за меня кого-нибудь из подруг.

На сайте давалась краткая информация про каждый факультет художественного заведения. Например, про иконопись говорилось, что выпускники пишут по завершении обучения икону по образцу и выполняют роспись шкатулки в заданной технике. На «художественной вышивке» обучают разнообразным методикам исконно-русского рукоделия, а итоговая работа заключается в разработке композиции из цветочных мотивов и выполнении ее в материале. Нечто подобное значилось и на факультете художественного кружевоплетения и росписи тканей. Ювелиры по металлу и кости должны также выполнить какую-то композицию и сделать ее из камня или вырезать из кости. Чем-то напоминает работу скульптора, решила я про себя. Больше ничего интересного для себя я не нашла и вернулась к корневой странице.

Большую часть заголовков я даже не стала открывать – меня абсолютно не интересуют образовательные стандарты, плата за проживание в студенческом общежитии (даже такое есть!) или сводка последних новостей. А вот надпись «Руководство и педагогический состав» посмотреть полезно. Как я поняла из открывшегося списка преподавателей, фамилия Романа Александровича – Кузнецов, он является куратором группы «Иконопись и лаковая миниатюра», а заодно и преподавателем живописи и мастерства. Надо же, оказывается, любимый учитель Светланы – личность известная, мало того, заслуженный преподаватель, так еще и участник международных выставок, руководитель росписи одного из московских храмов. Фотографии с вернисажей, личная информация: сорок два года, женат. На фотографиях – вокруг него все время разные молодые девичьи лица. Ага, вот то, что мне нужно, – ссылка, где говорится, что Кузнецов – преподаватель курсов масляной живописи на платной основе. Я щелкнула мышкой, открылась страничка, на которой значилось: «С 20 сентября начинаются курсы масляной живописи, на которых желающие смогут освоить технику и приемы написания этюдов масляными красками. Запись по телефону...»

Я старательно скопировала номер в пустой текстовый документ. Для удобства я всегда завожу себе папку, куда заношу нужную мне информацию относительно выполняемого мною дела. Туда же записываю имена и фамилии подозреваемых, а также лиц, задействованных в расследовании. Иногда, если не лень или не могу разобраться в деталях и уликах, пишу свои собственные мысли или схемы – все-таки легче докопаться до истины, когда все детали запроотоколированы на бумаге или в текстовом файле компьютера. После раскрытия преступления папка неизменно отправляется в мусорную корзину – теперь я не вижу смысла, зачем хранить все эти сведения и захламлять компьютер.

Я еще раз посмотрела на часы. Чайник давно закипел и выключился, я даже не услышала, полностью погруженная в изучение сайта института Светланы. Почти восемь вечера, наверно, уже поздно звонить в художественное заведение. Все-таки я на всякий случай набрала номер, но после пятого гудка нажала на кнопку отбоя. Ладно, так и быть – позвоню завтра утром, надеюсь, часов в девять секретарь мне ответит...

Куприянов вроде говорил, что институт – закрытое заведение с контрольно-пропускной системой. Свою задачу я видела в первую очередь в том, чтобы проставить «жучки» везде, где занимается Светлана, а для этого мне нужно как-то проникнуть в это художественное училище. Если секретарь скажет, что можно прийти и поговорить с деканами факультетов, скажем, собираюсь на следующий год поступить учиться, но еще не определилась с нужным мне отделением, то моя работа здорово упростится. Заодно узнаю, где проводятся вечерние курсы по живописи, и установлю там скрытую камеру, в моем распоряжении имеется и такое чудо техники. Другой вопрос, если Кузнецов назначает Светлане свидания у себя в мастерской – ведь у любого художника должна быть какая-то квартира или помещение, предназначенное для творчества. Из фильмов про художников, которые я когда-то смотрела, помню, что у себя в мастерской представители богемы творят что хотят – и «травкой» балуются, и с натурщицами развлекаются. Мое воображение тут же подсуло мне живописную картинку: Светлана старательно водит кисточкой по холсту, а Кузнецов интимно похлопывает ее по плечу, заодно предлагая бокал игристого и намекая, что неплохо бы переместиться передохнуть вон на ту кровать с красными шелковыми драпировками... Да, вот компромат так компромат, ничего не скажешь! Ладно, фантазии фантазиями, а мне нужны факты и доказательства...

Бесцветный женский голос, лишенный и намек на эмоциональность, сухо поздоровался со мной и поинтересовался о цели моего звонка. Какая пунктуальность – секретарь «Института благородных девиц» в девять утра на посту, без всяких опозданий. Я придала тону вежливую неуверенность и произнесла:

– Я очень хочу учиться в вашем художественном заведении, но у вас столько интересных факультетов! Я хотела бы узнать о них поподробнее и познакомиться с преподавателями.

– Подача документов с 15 июня по 15 июля, вступительные экзамены начинаются с 20 июля. Собеседование – по окончании экзаменов, – проинформировала меня трубка.

– Но я хотела бы пораньше все узнать, мне же готовиться надо! – жалобно заныла я. – Я хочу учиться на отделении иконописи и лаковой миниатюры, но также мне нравится роспись ткани. Экзамены у вас разные, так как мне быть?

– На сайте института размещена вся информация о наших факультетах, – так же бесстрастно заявила пуленепробиваемая секретарь. – Если у вас есть доступ к Интернету, зайдите на сайт.

– Я заходила, – заявила я. – Но там ничего не понятно. Мне нужно поговорить с преподавателями.

– Сейчас это невозможно, – отрезала женщина. – Приходите на День открытых дверей 23 апреля, там вам все расскажут.

– Но мне нужно сейчас! – настойчиво проговорила я. – Или курсы какие у вас есть?

– На сайте все написано, – тон секретаря изменился, видимо, ей надоела назойливая собеседница. Опасаясь, что она повесит трубку, я затараторила:

– Да, я видела курсы масляной живописи, вы про них? На них-то хоть можно записаться?

– Вы читали про оплату? – Я обрадовалась, что наш разговор худо-бедно продолжился.

– Да, конечно, когда можно оплатить? – ухватилась я за фразу секретаря как за спасительную соломинку. Про себя же подумала, куда я лезу! Какие мне курсы живописи, если я круг-то нарисовать без циркуля не смогу! Но секретарю этого знать необязательно – на сайте же сказано, что учиться могут все желающие, читаю между строк – «были бы деньги».

– На сайте указана цена для студентов института, – сообщила мне секретарь. – Для абитуриентов стоимость другая, семьсот рублей в час. Курсы длятся два месяца, для желающих продлеваются. Два месяца стоят двадцать две тысячи рублей, это выгоднее, чем платить за каждый урок.

Я присвистнула про себя. Ну у них и цены! Ладно, придется сообщить Куприянову, что мне требуется дополнительная плата на непредвиденные расходы, раз для того, чтобы попасть в художественное заведение Светланы, нужно посещать курсы. Но платить за два месяца я не собираюсь – к чему такая бездумная трата денег, если все нужные доказательства я добуду за пару-тройку дней?

– Я хочу заниматься, но сначала попробую платить за отдельные уроки, – заявила я. – У меня график работы непредсказуемый, вдруг заплачу, а в нужный день не попаду на занятие. Можно так?

– Да, можете, – подтвердила секретарь. – Занятия проходят по понедельникам и четвергам. Вы можете оплатить занятие наличными или картой, если платите наличными – во вторник бухгалтерия работает с девяти до пяти.

– Тогда лучше оплачу картой, – заявила я. – Сегодня как раз понедельник, можно мне прийти?

– Назовите вашу фамилию имя и отчество, – потребовала моя собеседница.

Я продиктовала свое настоящее имя – не вижу смысла его скрывать, Татьян Ивановых в одном только Тарасове несколько человек найдется, – а после уже я записала номер карты, на которую следует перевести деньги.

– Занятие начинается в семь вечера, – сообщила секретарь. – На контрольном пункте предоставите ваш паспорт, можно ксерокопию, после оплаты урока ваши имя и фамилия будут занесены в базу. Скажете, что на курсы к Кузнецову Роману Александровичу. Если продолжите заниматься, обязательно берите с собой документы, без них вас не пропустят. Всего доброго. – И, не дожидаясь, пока я отвечу на прощание, безэмоциональная дама повесила трубку.

Я положила мобильник на стол и задумалась. Да, курсы живописи – это что-то странное для меня. Туда бы Ленку-французенку – она и про картины что угодно наболтает, да и

кисточкой помалевать, думаю, не против будет. Ладно, схожу на занятие – раз плачу деньги, значит, могу требовать, чтоб из меня сделали Леонардо да Винчи, даже если я рисованием не занимаюсь. Прослежу за Светланой, добуду компромат и спокойно помашу ручкой Кузнецову: простите великодушно, живопись – не мое призвание, пожалуй, займусь музыкой или хореографией...

В Институт декоративно-прикладного искусства и народного творчества я явилась на час раньше назначенного времени с расчетом, что за этот час я успею пройти по аудиториям и установить «жучки». Художественное училище располагалось недалеко от музея, где мы с Ленкой бродили днем ранее, но если б я не знала точного адреса, то с трудом бы нашла учебное заведение. Хоть оно занимает пять этажей, сразу его заметить трудно, нужно зайти в незаметную арку и обогнуть жилой дом, только тогда заметна скромная вывеска. Неброское здание, никаких намеков, что здесь учатся одаренные художники и труженики народного ремесла. Сколько раз я бродила по близлежащим улицам, даже не предполагая, что в нашем Тарасове существует подобный институт.

Дождь, начавшийся накануне, закончился лишь к полудню, и сейчас на асфальте то тут, то там сверкали свежие лужицы. Деревья почти сбросили свое нарядное осеннее одеяние, и только стройный клен, освященный одиноким фонарем, радовал глаз ярко-красными узорчатыми листочками. Всего шесть вечера, а уже темнеет, подумала я про себя. Скоро промозглый октябрь сменится унылым ноябрем, наступят первые безрадостные холода...

Я с заметным усилием открыла тяжелую входную дверь и вошла в вестибюль. Прямо у входа за столом сидела полная женщина лет пятидесяти, по виду явно недружелюбная и сердитая. При виде меня она воззрилась на мою персону с видом стервятника, готового накинуться на падаль.

– Вы куда? – строго гаркнула она на меня. – Пропуск!

– Я на курсы. – Я вытащила из кармана паспорт и протянула документ злобной тетке. – Иванова Татьяна, я оплатила за урок...

Вахтерша даже не взглянула на удостоверение моей личности и грубо обрубила:

– Занятия в семь. Ждите на улице.

– Я к Роману Александровичу Кузнецову! – заявила я с негодованием. – Мне вообще-то сказали не опаздывать, я поэтому и пришла раньше!

Могла бы быть и повежливее, про себя подумала я. Люди вон какие деньги за обучение отваливают, а их встречает какой-то цербер в юбке! Если б я была абитуриенткой или действительно хотела бы учиться живописи, без слов бы развернулась и больше сюда не заглядывала! Увы, мне во что бы то ни стало нужно проникнуть в это малоприятное заведение, и ради этого придется терпеть наглость и грубость персонала. А может, эта тетка – неудавшаяся художница, этаким непризнанный талант, который срывает свою злость на всех подряд?..

– Для всех правило одно, раньше и позже времени приходиться нельзя, – настаивала на своем вахтерша. – Ждите на улице.

– Там холодно! – возмутилась я. – Не лето уже, что вы людей пустить погреться не можете? Я вам что, картины тут стащить собираюсь? Если не верите, что оплатила, так позвоните секретарю, по базе пробейте, в конце концов! И вообще я вам не школьница, чтобы так со мной разговаривать, я буду жаловаться руководству!

Тетка открыла было рот, чтобы что-то сказать, но не успела: пока мы с ней препирались, в коридор вышла женщина в строгом деловом костюме, с худым, каким-то острым лицом, которое делали еще более угловатым очки в прямоугольной коричневой оправе. Женщина посмотрела на меня и официальным тоном спросила вахтершу, что здесь происходит.

– Я на курсы, – поспешила вставить я свои «пять копеек» – Деньги на карту перевела, как секретарь сказала, а меня пускать не хотят. Как будто я просто так с улицы зашла!

– Вы утром звонили, так? – нахмурила брови угловатая женщина, как я поняла, секретарь. – Напомните вашу фамилию.

– Иванова, – тут же ответила я. – Татьяна Иванова, паспорт вот.

Секретарь быстро взглянула на документ, а потом кивнула вахтерше:

– Пропустите, это к Роману Александровичу, – а потом обратилась уже ко мне: – На занятия в следующий раз приходите в восемнадцать пятьдесят, не раньше, иначе вам придется ждать на улице.

Я заверила ее, что впредь не буду нарушать порядки, и секретарь указала мне на лавочку под стендами с образовательными положениями.

– Подождите здесь, – велела она мне. – Без десяти семь поднимайтесь на пятый этаж, в пятьсот вторую аудиторию. Вы с собой взяли какие-нибудь художественные принадлежности?

– Нет, – растерялась я. – Мне ничего не говорили, я не принесла. . .

– Роман Александрович вам расскажет, какие холсты и краски необходимы для занятий, – спокойно сказала секретарь. – Запишите все, и на следующий урок принесете что требуется. Первый урок – эскизы, краски и холст вам сегодня не понадобятся.

Сказав это, секретарь без всяких «до свидания» повернулась ко мне спиной и прошла к двери напротив пропускной системы. Я прочитала вывеску – «кабинет секретаря». Похоже, у этой дамы правило такое – не прощаться с людьми и вообще воздерживаться от всяких вежливых слов. . .

Я тоскливо села на лавочку, стараясь, чтобы тетка-вахтерша меня не видела, и огляделась. Белые стены, никаких картин или предметов декора. Напротив лавочки – зеркало, в котором отражалась противоположная стена целиком. Я посмотрела на свою унылую фигуру в бордовом плаще и решила, что сейчас я больше всего напоминаю меланхоличную художницу или поэтессу, чье настроение созвучно осенней погоде. В коридоре было тихо, никто из учащихся не ходил, и я решила, что сейчас как раз идет пятая или шестая пара. На всякий случай я незаметно прикрепила одну прослушку под низ лавочки – раз уж здесь нахожусь, почему бы не воспользоваться моментом. Очень скоро мне надоело сидеть без дела, и я решила попытаться удачу и исследовать доступную мне часть училища. Я прислушалась – тетка не подавала никаких звуков, может, читает себе спокойно какую-нибудь книжку или журнал по кулинарии, или чем она там интересуется, помимо запугивания людей. Хорошо, что мои кроссовки при движении не издают шума – я встала и тихо прокралась в сторону от вестибюля, где, как я предполагала, должна находиться лестница на верхние этажи.

Я остановилась возле белой двери и, надеясь про себя, что она предательски не выдаст меня скрипом, тихо толкнула ее. К счастью, дверь отворилась бесшумно, явив моему взору лестницу наверх и вниз, может, в гардероб. Спустилась потом, решила я про себя и, тихо затворив за собой дверь, бесшумно прокралась наверх.

На втором этаже было почти так же тихо, как и в коридоре, только из-за приоткрытой двери первой аудитории доносилось мерное постукивание. Я хотела было подойти к кабинету и заглянуть внутрь, но вовремя услышала шаги, доносившиеся из мастерской. Похоже, кто-то намеревается выйти в коридор, если этим некто окажется преподавателем, мою исследовательскую деятельность придется прекратить. Я быстро шмыгнула обратно на лестницу и поспешила подняться этажом выше.

В коридоре третьего этажа никаких странных звуков я не услышала. Практически все двери, мимо которых я проходила, были заперты. Наверно, здесь пары уже закончились, решила я про себя. Зато на стенах я увидела несколько больших полотен. Сомневаюсь, что их можно назвать картинами – скорее странными орнаментами, некоторые из которых изображали стилизованные растения, некоторые – разнообразные геометрические фигуры разных цветов. Я подошла к первому полотну, которое на самом деле оказалось натянутой на жесткую

основу бумагой, и прочла название: «Дипломная работа студентки отделения «Художественная вышивка» Карповой Е. С. Мотив цветы и птицы».

Остальные работы тоже принадлежали учащимся факультета художественной вышивки. Наверно, для каждого отделения отведен свой этаж, решила я. На втором могли заниматься какие-нибудь резчики по кости или каменотесы. Но это явно не иконописцы, я не думаю, что художники так громко стучат кисточками по дереву или металлу...

Коридор плавно заворачивал налево, и я увидела в его углублении открытую дверь. Похоже, я ошиблась – у кого-то еще идут занятия. В углу стояли две высокие деревянные стойки, на которых лежали деревянные палки, соединенные в форме квадрата. На палки была натянута белая ткань – наверно, чья-то работа, поняла я. Мне стало любопытно посмотреть, как выглядит образец по художественной вышивке, и я беззвучно прокралась к стойкам.

В правом верхнем углу натянутой ткани я увидела небольшой квадрат со стороной в двадцать сантиметров, не больше. Внутри он был разделен на маленькие белые квадратики с тонкими перегородками, а по диагоналям тянулись узорчатые нити. В каждом углу находился небольшой цветок с шестью лепестками, а по периметру квадрат заполняли геометрические узоры. Чем-то это все напоминало кружевной узор, но никак не вышивку. В моем представлении, вышивают крестиком какую-нибудь картину – пейзаж или натюрморт – по специальной цветной схеме. Ленка-француженка, находясь в декрете, всерьез увлеклась подобным занятием и какое-то время постоянно корпела над пальцами, вроде ее это успокаивало. Я ее искренне не понимала – по-моему, тут свихнуться можно, а не успокоиться. То нитки запутаются, то в крестиках ошибешься, тем более быстрее картину не вышишь, то есть мгновенного результата не дождешься. Лично у меня ни за что терпения не хватит сотворить хотя бы маленький узорчик. Хотя готовая вышивка, не могу поспорить, смотрится потрясающе – на первый взгляд не отличишь от нарисованной картины.

Я решила, что квадрат на ткани, скорее всего, попал сюда с кафедры кружевоплетения, и, вдоволь насмотревшись на работу, заглянула в приоткрытую щелку кабинета. Единственное, что я смогла разглядеть – это девушку напротив двери, сосредоточенно продевающую иглу в натянутую на квадратную рамку ткань. Девушке на вид было лет семнадцать, я видела лишь ее голову с забранными наверх в неаккуратный пучок волосами и верхнюю часть голубой кофты. Ее правая рука двигалась с легкостью и быстротой, вышивальщица была полностью погружена в свою работу. Наверно, если б я вошла в аудиторию, девушка вряд ли бы даже голову подняла в мою сторону.

Вдоволь насмотревшись на работницу-«белошвейку», я отошла в сторону лестницы, намереваясь подняться этажом выше. Но только я ступила на следующую ступеньку, как внезапно услышала шум открывающихся дверей и топот ног нескольких человек. Взглянув на мобильник, я поняла, что пара закончилась – часы показывали без пятнадцати семь. По всей видимости, студенты спустятся по лестнице вниз – те, кто закончил занятия, пройдут за вещами, а оставшиеся заниматься наверняка посетят столовую, если таковая имеется в училище. А где еще им обедать и ужинать? Сомневаюсь, что с этой жуткой пропускной системой кто-то осмелится покидать стены учебного заведения. Разве что во время большой перемены – обычно во всех университетах и институтах обеденный перерыв длится минут тридцать-сорок. И кстати, интересно, неужели среди учащихся никто не курит? А если курильщики имеются, как к их перекурам относится тетка-цербер на входе?..

Про себя я вздохнула: мне придется в течение последующих двух часов воздержаться от курения, спровоцировать вахтершу я не собиралась. Ладно, смешаюсь с толпой студентов и узнаю, где у них хотя бы столовая и гардероб...

На лестничную площадку вышли пять девушек с третьего этажа, по всей видимости, из той аудитории, где работала девица с пучком. Среди студенток я сразу узнала ее по прическе и голубой кофточке. Девушки не обратили на меня никакого внимания и, негромко переговари-

ваясь, направились вниз по лестнице. Я последовала за ними, стараясь держаться на некотором отдалении, чтобы не смущать вышивальщиц своим присутствием.

Четверо из компании повернули по коридору первого этажа к пропускному пункту, а одна девчонка, стройная и красивая барышня лет пятнадцати, спустилась ниже на один этаж. Как я и догадалась, внизу располагалась столовая. Дверь помещения была открыта, и я прошла вслед за девицей внутрь.

Взглянув снова на часы в телефоне, я отметила про себя, что до начала занятия остается десять минут – как раз хватит времени выпить чашку чего-нибудь горячего и перекусить. Я подошла к столу и оглядела имеющийся в буфете ассортимент. Полки с едой выглядели весьма скудно – то ли все съели студенты, то ли кормить тружеников искусства здесь не любили. Мне совершенно не внушал доверия неведомый салат в маленькой стеклянной пиале и явно несвежая плюшка с неизвестной начинкой. Компот покупать тоже не хотелось. Может, чай или кофе у них имеется, в меню написан только преysкурant на хлебобулочные изделия и салаты. Я пробежала глазами список блюд – видимо, загадочный салат именуется винегретом, еще чисто теоретически продается «мимоза» и «крабовый». Вторые блюда на сегодня – макароны, супы даже в перечне отсутствуют. Из выпечки – рогалик с творогом и пирожки с картошкой и капустой. Надо же, есть и йогурт с ряженкой, может, затерялся где-то в холодильнике...

Я подошла к пункту выдачи продуктов и поздоровалась с высокой женщиной в светло-голубом халате. Та на мое приветствие не ответила – интересно, они всех работников подбирают таких неучтивых? – и коротко буркнула:

– Говорите, что вам.

– Какао, – брякнула я первое пришедшее в голову.

– Какао закончился, – объявила продавщица. – Все, что осталось, на витрине.

– Чай у вас есть? – поинтересовалась я.

– Черный, двадцать рублей, без сахара, – отрапортовала женщина. – Еще что?

– Шоколадку. – Я кивнула на дешевую плитку с надписью «арахис и фундук». Продавщица со стуком опустила на стол одноразовый стаканчик, швырнула рядом пакетик черного чая и махнула рукой в сторону:

– Кипяток там. Семьдесят рублей.

Грабеж среди бела дня, подумала я, отсчитывая мелочь. Бедные студенты, как на них здесь наживаются! Да в любом магазине то, что я заказала, стоит раза в два дешевле! И как только Светлана здесь учится? На ее месте я бы сразу ушла, взять хотя бы эту ужасную контрольно-пропускную систему с отвратительной вахтершей...

Я рассеянно взяла стакан и набрала горячей воды. Со стаканчиком в одной руке и шоколадкой в другой я отошла от стойки и огляделась вокруг. Столовая почти пустовала – занято было столика три, за одним сидели двое парней лет по восемнадцать, наверно, старшекурсники. Я сразу подумала, что они либо учатся на ювелирном, либо занимаются резьбой по кости. Что говорить, на художественной вышивке или кружевоплетении лицам мужского пола делать нечего. Ну или иконописцы – тоже вполне подходит.

Я направилась к столикам подальше от пункта выдачи блюд – не хотелось сидеть поблизости от недружелюбной продавщицы. Сперва хотела сесть за свободный столик, но внезапно мое внимание привлекли три студентки за дальним столом. Точнее, заинтересовала меня одна из них – женщина лет тридцати пяти – сорока, одетая в клетчатую рубашку с длинными рукавами и обычные синие джинсы. В ней я сразу узнала Светлану, жену Куприянова.

Радуюсь про себя, что мне повезло и я могу познакомиться с женщиной в неформальной обстановке, я подошла к столику и вежливо поздоровалась, после чего спросила, можно ли присесть на свободный стул.

– Садитесь, конечно, – улыбнулась мне Света. Она показалась мне женщиной доброй и спокойной – весь ее облик излучал какую-то гармонию и теплоту. Про таких людей обычно

говорят, что они не от мира сего – у меня создалось ощущение, что Светлана глубоко погружена в свои мысли и на окружающих людей не обращает особого внимания. Две другие девушки, наверно, ее одноклассницы, разговаривали о каком-то задании, обсуждая, где брать образцы нужной росписи. Светлана в основном молчала, но, когда к ней обращались с вопросом, отвечала с неизменной улыбкой, говорила тихо и мелодично. Она чистила большой оранжевый апельсин, аккуратно складывая кожурки в пустой одноразовый стаканчик. Закончив очищать спелый плод, она ровно разделила его на четыре части и угостила всех сотрапезниц, включая и меня. Я с благодарностью взяла несколько долек и развернула плитку шоколада, предложив девушкам угоститься. Девчонки тут же отломали себе по щедрому куску лакомства, Светлана же скромно взяла одну дольку, сопровождая свои действия неизменной улыбкой. Я подумала, что пора завязать знакомство, и представилась:

– Меня Таней зовут, а вас?

– Я Марина, а это Ксюша, – назвались Светланины сокурсницы. Женщина тоже назвала свое имя.

– Вы все на курсы масляной живописи? – поинтересовалась я. – Я сегодня на первое занятие пришла...

– Не, мы на самостоятельном мастерстве остаемся, – сказала Марина, невзрачная блондинка в сиреновом платье. – Дополнительно, потому что не успеваем.

– А вы? – спросила я Свету.

– Я на курсы, – подтвердила женщина. – К Роману Александровичу, он очень хороший преподаватель.

– Там сложно? – Я изобразила крайнюю озабоченность. – А то я никогда маслом не писала, вот хочу поступать в следующем году...

– О, вы не пожалеете, что записались на уроки! – Лицо Светланы словно просветлело, она говорила чуть ли не с придыханием в голосе. – Роман Александрович очень интересно преподает, к нему попасть на занятие – огромное счастье! Вам очень повезло, что курсы ведет именно он!

Я скептически хмыкнула про себя. Послушать Свету, так правда, согласишься с ее мужем, что Кузнецов для нее – царь и бог, чей авторитет не поддается никаким сомнениям. Но я и виду не подала, что не разделяю мнения женщины касательно непогрешимости ее любимого преподавателя. Напротив, изобразив живой интерес, принялась расспрашивать Светлану о занятиях и о Романе Александровиче.

– Я читала на сайте, что он – выдающийся художник, – вспомнила я. – Участник выставок, наверно, гениальный человек!

– Абсолютно точно, – подтвердила женщина. – Он умеет все: и писать реалистичные вещи, и иконами занимается, портреты у него не хуже, чем у Серова! Видели бы вы его шедевры – он приносил шкатулку в технике миниатюрной росписи, это что-то потрясающее! Вдобавок ко всему Роман Александрович – одаренный учитель, что называется, от Бога. Он не только создает уникальные шедевры, но и может доступно объяснить и показать все ученикам!

– А на курсах много человек занимается? – поинтересовалась я.

– Нет, иногда я одна прихожу, – покачала головой Светлана. – Из нашей группы никто больше не записался, хотя девочки хотели. – Она кивнула в сторону Марины и Ксюши. – Но из-за большой нагрузки мы и учебные задания делать не успеваем, не говоря уже о дополнительных. Я и сама не знаю, когда все успеть – к завтрашнему дню надо делать композицию, наброски по рисунку и учить историю. После курсов домой пока доеду, уже поздний вечер будет, придется опять до ночи сидеть... Но мне очень нравится учиться, поэтому я не так сильно устаю, как остальные.

Света нагнулась к своей сумке и вытащила папку акварельных листов альбомного формата, открыла ее и достала карандашный рисунок. Я увидела красивый узор из цветов и лепест-

ков с причудливо извивающимся стеблем и маленькими кружочками-тычинками возле каждого цветка.

– Этот орнамент надо выполнить по всему периметру листа, – пояснила Света. – Перерисовать несложно, но надо придумать переход с вертикальной плоскости на горизонтальную. Потому узор выполняется в цвете, а если окажется удачным, то его перенесу на большой формат.

– Да, сложно, – согласилась я с женщиной. – И долго его рисовать?

– Ой, я все делаю достаточно медленно, – сказала Светлана. – Часто стираю, линии ведь должны быть идеальными. Но знаете, сажусь за рисунок и даже не замечаю, как время пролетает. Это так успокаивает – я раньше в основном в технике реализма работала, так нынешние задания кажутся мне гораздо интереснее, чем в предыдущей художке. А вот наброски по рисунку надо делать реалистичные – людей рисовать, предметы быта, можно детали архитектуры. Рисунок Николай Федорович ведет, он строгий преподаватель, очень требовательный. В неделю надо сдавать не менее пятнадцати хороших набросков. Я, когда начала на пары ходить, приносила больше – штук по двадцать, но из всех них ему нравилось от силы два-три. Но это хорошо – лучше больше работать, так рука набивается, линии становятся прямее и увереннее. Теперь-то я поняла, какие требования у Николая Федоровича, и наброски, как он сказал, у меня стали лучше.

Я слушала Светлану и уже сомневалась в правоте подозрений Куприянова. Да, Кузнецова она обожает, но, похоже, учеба ее интересует куда больше, чем любовные похождения. Скорее всего, Света восхищается им как преподавателем, а не как мужчиной. И, судя по ее рассказу, курсы посещает с целью поскорее овладеть мастерством живописи.

– Ой, скоро же занятие начнется! – спохватилась вдруг Светлана, доедая свою дольку апельсина. – Нам на пятый этаж, вам ведь объяснили куда? Я сейчас уже пойду! – Она схватила свою сумку, оставив дольку моего шоколада на столе. Я вспомнила про свой уже остывший чай и отпила глоток из стакана. Забыла вытащить из чашки пакетик, чай оказался очень крепким и совершенно невкусным – сахара в столовой мне ведь не дали. Я оставила напиток на столе, захватила с собой булочку, остатки шоколадной плитки и направилась вслед за Светланой.

Мы одолели пять лестничных пролетов – верхние два оказались с высокими ступеньками, и даже я слегка запыхалась. Света, очевидно, давно привыкла к такой крутой лестнице и даже не остановилась перевести дыхание, сразу устремилась по коридору к нужной нам аудитории. Мы вошли в кабинет, Светлана сразу повесила сумку на высокий деревянный мольберт и подошла к стеллажам, на которых были неаккуратно сложены холсты для живописи.

Я огляделась. Все помещение было заставлено громоздкими на вид мольбертами, а по двум сторонам – направо и налево от входа – возвышались два стола, на которых стояли натюрморты. Первая постановка была выдержана в коричневато-багровых тонах: на темно-красной ткани (позже я узнала, что у художников тряпки зовутся драпировками) располагались коричневый кувшин, багрово-красная тарелка и чучело ворона, немного впереди от предметов небрежно брошенная кисть винограда и красно-желтое яблоко, смотревшееся на общем темном фоне ярким нелепым пятном. Другой натюрморт мне понравился больше – он казался насыщеннее и интереснее. Драпировки подобраны в холодной гамме – синие, зеленые и фиолетовые тона красиво сочетались друг с другом, а на фоне их красиво вырисовывались очертания чучела фазана. Натюрморт дополняли фрукты – опять виноград, яблоко, зеленоватая груша, чуть поодаль стоял белый фарфоровый чайник.

– Я пишу постановку с фазаном, – пояснила Света, которая устанавливала на мольберт большой холст, уже начатый красками. Я с интересом оглядела работу женщины. Что меня удивило больше всего, так это то, что ни один предмет натюрморта не был полностью выполнен в цвете – несколько широких мазков кисти показывали верхнюю часть синей драпировки, рядом – едва прописанная голубая, затем – зеленая ткань. У фазана были нарисованы лишь

часть головы и туловища да несколько перьев цветного крыла. Виноград вообще походил на нечто неопределенное – никаких отдельных ягод, только несколько ярко-зеленых и оливковых мазков. Керамический чайник вообще Светлана не начинала – я увидела лишь обрисованный черным карандашом контур с прямой линией посередине и несколькими эллипсами внутри.

– Роман Александрович, скорее всего, скажет вам выполнить несколько набросков натюр-мортов в разных ракурсах, – пояснила женщина. – Во всяком случае, так я начинала работу над постановкой. Но он скоро придет и сам вам все расскажет, вы пока можете достать карандаш и листы бумаги.

– Ой, а у меня ничего нет... – растерялась я. – Секретарь не сказала, что надо что-то приносить. Если б я знала, то взяла с собой все, что нужно...

– Не беспокойтесь, карандаш я вам дам, а листы можете взять из использованных палитр для акварели, а если не найдете – у меня есть в папке. Палитры вон в том углу. – Светлана кивнула в сторону стеллажей с холстами. Я подошла к полкам и оглядела их содержимое. На каких-то холстах были изображены натюрморты, большая работа – холст куда шире, чем у Светы, – начат портрет какой-то пожилой женщины в алом платке. Я опустила голову ниже и разглядела кипу бумаг, очевидно, это и были палитры под акварель. Порывшись в стопке, я извлекла пару более-менее чистых листов и подошла к ближнему стулу.

Внезапно дверь открылась, и в аудиторию вошел высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, одетый в темно-синюю джинсовую куртку и потертые зеленоватые джинсы. Его шею закрывал черно-белый клетчатый шарф, а черные, слегка волнистые волосы небрежно падали на лоб. Лицо довольно приятное – карие глаза, прямой нос, острые скулы. При взгляде на него сразу можно догадаться, что это человек творческой профессии, который привык производить яркое впечатление на окружающих и эпатировать публику. Этаким Сальвадор Дали, только внешностью приятнее, но даже по его походке и манере держаться было видно, что это весьма нестандартный персонаж.

– Вечер добрый! – улыбнулся он самой обаятельной улыбкой, которую только мне доводилось видеть. – О, у меня сегодня новая ученица, что ж, добро пожаловать! – Кузнецов кивнул мне на стул напротив натюрморта с фазаном. Я послушно опустилась на табурет.

– Так, сначала я посмотрю, как продвигаются дела у Светы, а потом побеседуем с вами, – пояснил Роман Александрович. – Пока посидите, посмотрите на постановки, выберите ту, которая вам больше нравится.

Кузнецов подошел к Куприяновой и стал ей тихо объяснять, что дальше делать. Я тем временем молча наблюдала за этой парочкой. Что ж, преподаватель – мужчина весьма видный, он умеет вызывать у людей симпатию и наверняка пользуется успехом у женщин. Кроме того, у него со Светланой небольшая разница в возрасте, вполне может стать, что Роману Александровичу надоели молоденькие глупые девчушки, которые, очевидно, без ума от него, а Света заинтересовала преподавателя своим умом и образованностью. Они подходят друг другу, это понятно: известный художник и выпускница Парижской школы искусств. Пользуясь моментом, когда на меня не обращают внимания, я подошла к натюрморту с фазаном и незаметно установила «жучок» за планшетом, с которого свисали драпировки. Постановку разберут не скоро, раз Светлана ее пишет, а как она сама говорила, работает она медленно. Я тоже выберу этот натюрморт и спокойно буду изображать длительную художественную деятельность, пока не закончу следить за Светой. Итак, класс для занятий масляной живописью теперь прослушивается, позже поставлю здесь скрытую камеру. Довольная собой, я возвратилась обратно на свое место и принялась ждать Кузнецова.

Роман Александрович вскоре подошел и ко мне, оставив Светлану работать самостоятельно. Я воззрилась на художника с видом внимательной и вдумчивой ученицы.

– Напомните мне, пожалуйста, ваше имя, – обратился ко мне Кузнецов. Я назвалась.

– Меня зовут Роман Александрович, как вы, вероятно, уже знаете, – сказал художник. – Прежде чем вы начнете работать с натюрмортом, я хотел бы немного узнать о вашем уровне. Вы уже рисовали раньше? Может, учились в художественном училище или школе?

– Нет, только на уроках рисования в обычной школе, – честно призналась я. – Я читала на сайте, что курсы может посещать любой желающий вне зависимости от уровня подготовки.

– Все верно, – подтвердил Кузнецов. – Какова ваша цель? Чему вы хотите научиться на моих курсах?

– Ну, маслом рисовать, естественно, – пожала я плечами. – Я собираюсь поступать в этот институт, вот решила подготовиться.

– Хорошо, – кивнул Роман Александрович. – Вы на какой факультет хотите поступать? На всех отделениях, кроме иконописи и лаковой миниатюры и ювелирного мастерства, пишут исключительно акварелью.

– Значит, на иконопись, – заявила я. – Мне больше нравятся масляные краски.

– Я вас понял, – спокойно проговорил преподаватель. – Но сразу хочу вас предупредить: выбранный вами факультет – самый сложный не только среди отделений данного художественного заведения, но и по сравнению с прочими художественными училищами. Если вы поступите сюда учиться, придется не просто много работать – вы не сможете заниматься ничем другим, кроме учебы. Вы, как я понимаю, где-то работаете? Судя по возрасту. Так вот, будьте готовы к тому, что вы не сможете при всем своем желании совмещать учебу и работу. Если на других факультетах некоторые студенты пробовали подрабатывать, все равно они долго не выдерживали и бросали либо подработку, либо учебу. На отделении иконописи не работает никто – у вас будет один выходной день, воскресенье, но он уйдет у вас на подготовку домашних заданий. Вам придется очень мало спать и очень много рисовать, едва ли не сутками напролет. Вы готовы к этому? Я вас не пугаю, просто хочу, чтоб вы ясно представляли себе особенности и специфику нашего учебного заведения.

– Вас послушать, так тут прямо каторга! – хмыкнула я. – Двенадцатичасовой рабочий день давно отменили!

– Об этом вы поговорите с учителем истории, – парировал Роман Александрович. – Я вас ни в коем случае не пугаю, если считаете, что я преувеличиваю, поговорите со Светланой, – он кивнул в сторону сосредоточенно смешивающей краски женщины, – она вам все расскажет в деталях. Света учится на первом курсе, в ее группе шесть человек. К третьему курсу в лучшем случае останется половина, а полностью завершат обучение только один, максимум два человека. Чтобы учиться на отделении иконописи, потребуется не только безоговорочная любовь к живописи и рисунку, но и железное здоровье и потрясающая работоспособность. Только обладая этими качествами, возможно доучиться до диплома. Не верьте тем, кто утверждает, что художник должен иметь талант к рисованию. Даже если человек – гений, он не станет великим, если не будет постоянно работать и совершенствоваться. Способности, одаренность – все это не более чем красивые слова. К примеру, известный всем Ван Гог считается великим живописцем не потому, что с рождения прекрасно рисовал – напротив, живописью он занимался лишь семь последних лет своей жизни. Этот человек работал не покладая рук, ни дня не проходило без бесконечных усилий и труда. Поэтому подумайте хорошенько, взвесьте все «за» и «против», решите, готовы ли вы пожертвовать работой, другими увлечениями, личной жизнью ради учебы на факультете иконописи и лаковой миниатюры.

– Вы меня несколько озадачили, – растерялась я. – Конечно, я подумаю. Но курсы-то мне посещать можно?

– Раз вы пришли сюда, то можно, – улыбнулся Роман Александрович. – Вы сказали, что собираетесь поступать в институт, а я вам вкратце рассказал о его специфике. Предлагаю вам следующее: пока первую работу вы напишете в стиле реализма, без всяких специфических приемов. Попробуете новый для себя материал – как я понимаю, масляными красками вы не

работали, – познакомитесь с основами рисунка, построением сложных форм из более простых. Сейчас я вам объясню, что делать, и оставлю вас работать самостоятельно. У меня по понедельникам профильная пара, в четверг я занимаюсь исключительно с учащимися курсов. Я буду периодически приходить в аудиторию, если возникнут какие вопросы – задайте, я вам на все отвечу. В конце занятия продиктую вам список необходимых красок, готовый набор покупать не советую.

– Почему? – удивилась я. Перед первым занятием я специально зашла в магазин для художников – посмотреть хотя бы, как что называется и как выглядят разнообразные холсты и краски. Чтобы быть в теме, так сказать. – Мне советовали приобрести набор петербургских красок, девять тюбиков, – вспомнила я свой разговор с продавщицей. – Его все хвалят...

– Многие цвета в наборе вам вовсе не пригодятся, – пояснил Кузнецов. – Я не говорю о черной краске, которая в живописи практически не используется. К примеру, куда вы денете целый тюбик кадмия красного или безумного кобальта зеленого? Благо, в наборы не пихают нынче популярный фиолетовый цвет – мало того, его можно получить путем смешивания краплака с ультрамарином, так и вообще я всем советую избегать открытых красок. Живопись цветами из тюбиков смотрится аляписто и по-детски. Я учу своих студентов пользоваться сложными цветами, то есть полученными путем смешивания трех и более цветов. Из набора вы будете пользоваться только охрой светлой – не вздумайте купить охру золотистую, на худой конец подойдет охра желтая, – белилами, лучше если будут титановые, а не цинковые, ультрамарином и умброй. Опять-таки кобальт желтый лучше брать отдельно, зеленая краска из наборов не подойдет, точнее, можно обойтись и ею, но тогда вы будете долго и мучительно намешивать более-менее естественный оттенок. Пока ни в одном наборе я не встречал неаполитанскую телесную, необходимую для портретной живописи, кадмия красного темного или окиси хрома. Да успокойтесь, я продиктую вам названия нужных цветов!

У меня в голове и так все перемешалось – ну и названия, какие-то окиси, кадмии, умбры... Так и хотелось попросить его говорить по-человечески, сыплет себе терминами и строит из себя черт знает что...

– Да, по поводу холстов, – спохватился Кузнецов. – Для первой работы купите холст на картоне, а не на подрамнике. Это со студентов я требую более дорогие холсты на подрамниках, потому что для просмотра работу будет легче оформлять. Если захотите повесить ваш первый натюрморт на стенку, просто приобретете рамку или отнесете работу в багетную мастерскую. Когда будете учиться – если решитесь, конечно, – вам расскажут и о процессе изготовления холста, объяснят, как натягивать его на подрамник, научат делать проклейку и грунт. Пока не стоит забивать себе голову, зайдете в художественный магазин и приобретете холст на картоне, самый удобный размер – 40 на 50 сантиметров. Кисти нужны преимущественно щетина или синтетика, номера я вам продиктую... Так, теперь насчет сегодняшнего задания.

Роман Александрович взял у меня лист бумаги и начертил там два прямоугольника.

– Вот это – модель вашего холста, только в уменьшенном варианте, – пояснил он. – Перед вами – два натюрморта, с вороном и фазаном. Вам нужно сделать несколько эскизов каждой постановки с разных ракурсов. Необязательно сидеть на одном месте – походите по аудитории, попробуйте нарисовать натюрморт с ближнего или дальнего расстояния. Пока не выбирайте какую-то одну постановку – сделайте несколько эскизов одного и другого натюрморта. Старайтесь, чтоб в вашем формате умещались все предметы, начинать следует с плоскости стола – проведите горизонтальную линию и относительно нее размещайте все остальное. С заданием все ясно?

Я кивнула. В случае чего, стану доставать Светлану – мне ведь так и так надо разговорить ее, вдруг она о чем-нибудь ненароком проболтается...

– Минут через тридцать-сорок я зайду, – пообещал Кузнецов. – Если с эскизами все будет в порядке, займемся изучением правил построения предметов.

Уже подойдя к двери, он обратился к Светлане:

– Света, вы знаете, что делать, если какие вопросы возникнут, ждите меня, делайте то, что знаете.

Светлана молча кивнула, выражая свою готовность следовать инструкциям преподавателя. Роман Александрович вышел из аудитории, оставив нас вчетвером: меня, Светлану и два натюрморта.

Света, казалось, совсем позабыла о моем присутствии – она сосредоточенно что-то намешивала на своей палитре, постоянно выдавливая краски из наполовину пустых искореженных разноцветных тюбиков, наносила мазки кистью, растирала краску по холсту пальцем, что-то счищала лопаткой-мастихином, отходила от мольберта, придирчиво оглядывая свою работу, потом снова выдавливала нужные цвета... Мне было интересно просто наблюдать за тем, как она пишет, – по-моему, занятие довольно увлекательное, смотреть, как трудится другой человек. Выполнять задание Кузнецова я не собиралась – во-первых, я мало представляла себе, как вообще изображать все эти кувшины, решила, что начеркаю на бумажке несколько линий, потом сотру их – вроде пыталась, а ничего не вышло. Посмотрим, что будет делать Кузнецов с такой бездарной и бестолковой ученицей вроде меня. Заодно и погляжу, какой он на самом деле преподаватель. Либо станет объяснять все заново, либо рассердится и выгонит (что маловероятно), либо сядет и нарисует сам. Я слышала, что преподаватели в художественных заведениях иногда рисуют за своих учеников, если те совсем ничего не понимают.

Минут через двадцать Света, видимо, немного устала и отвела глаза от своего мольберта. Ее рассеянный взгляд наткнулся на мою персону, и я тут же старательно принялась чертить загогулины на своем листе. Похоже, Светлана совсем про меня забыла и только через пару минут обратилась ко мне с вопросом:

– Как у вас, получается? – В ее голосе слышалось живое участие.

Я расстроено помотала головой.

– Ничего не выходит, – посетовала я. – Только и делаю, что стираю, какая-то ерунда, а не эскиз...

– Хотите, немного помогу? – Не дожидаясь, пока я отвечу, женщина подошла к моему табурету и оглядела мое творение, представляющее собой глубокомысленную композицию из косоугольного прямоугольника и покосившегося овала.

– Это – кувшин? – догадалась Светлана. Я мотнула головой в знак согласия. На самом деле представления не имею, что я начертила, но раз художница видит в моем шедевре кувшин, то пусть будет кувшин.

– Надо начинать не с отдельных предметов, а со всей композиции в целом. – Светлана пододвинула табурет и взяла у меня чистый лист бумаги. Начертила прямоугольник и провела в нем горизонтальную линию.

– Это – линия стола, – принялась объяснять женщина. – Вот здесь – я ставлю вертикальную отметку – будет находиться кувшин, кругом я обозначаю тарелку, а ворон – это продолговатый овал и прямоугольник вверху. Это – самые большие предметы, после того, как мы их разместили в нашем формате, можно приступить к более мелким фруктам. Виноград я рисую не отдельными кружочками-ягодками, а целой массой. Если вы прищуритесь, то увидите, что кисть винограда по своей форме напоминает овал. Значит, я рисую овал, в стороне от него размещаю яблоко – обычный круг. Теперь при желании можно уточнить форму предметов. Кувшин состоит из простых геометрических форм – вытянутого прямоугольника и круга с доньшком-трапецией. А уже потом можно из этих кругов и прямоугольников сделать настоящий кувшин! Тарелка – вообще круг, она расположена строго вертикально, поэтому здесь нет перспективного сокращения. Ворона тоже нетрудно нарисовать – у него круглая голова на практически прямоугольной шее и вытянутое тело. Никаких деталей вроде лапок и глаз с

ключом на эскизе рисовать не нужно, ведь это даже не набросок, а разметка размещения предметов. Видите, как быстро готов первый эскиз!

– И правда, здорово... – восхитилась я. – Я так никогда не нарисую...

– Да ладно вам! – приободрила меня Света. – Все получится! У нас в группе есть две девушки, которые вообще нигде не учились, им, конечно, тяжело приходится, не знаю, может придется перейти на другой факультет. Конечно, иконопись – самое трудное отделение, даже на экзаменах постановки гораздо сложнее. Но если вы вдруг поступите к нам и что-то не получится, всегда можно перейти на роспись ткани или кружевоплетение. Туда поступают абсолютно все, с рисунком и живописью помогают преподаватели, а мастерству нетрудно научиться, главное – усидчивость. Но вы не думайте, что я принижаю остальные факультеты – например, я просто в восторге от работ на кафедре художественной вышивки, там такие вещи можно научиться делать, глаз не отвести.

– Я как-то больше миниатюрой хочу заниматься, – заявила я. – Мне нравится все, связанное с иконами. Вы ведь настоящие иконы пишете?

– О, до икон еще далеко! – улыбнулась Светлана. – Если вам интересно, я могу показать некоторые задания. Орнамент вы видели, вот первые работы, я их все фотографировала...

Женщина достала мобильный телефон – практически такой же модели, как у ее мужа, – и показала мне фотографию белого листа, на котором черной тушью были нарисованы контуры фигуры какого-то святого с бородой, правда, без лица и нимба.

– Это калька, – пояснила Светлана. – На первом уроке по мастерству нам давали несколько тонких листов, на которых изображены в графике Христос, Георгий Победоносец и Николай Чудотворец. Мы должны были через кальку тонкой кистью обвести очертания одежды, все складки, голову, руки и ноги. Лица и нимбы рисовать нельзя – кажется, Ксюша принесла кальки с лицами, так Роман Александрович отругал ее, сказал, что без особых знаний получается карикатура. Таких калек надо выполнить как можно больше – минимум по десять-пятнадцать штук.

Она показала мне следующий снимок.

– Это рисунок карандашом. – Я увидела нарисованный тонкими линиями подсвечник с тремя свечками и узорами. – Надо перерисовать с образца без линейки, чтобы все линии были как на заданном рисунке. Вот это работа с цветом, – на следующей фотографии был изображен геометрический орнамент темно-синего, приглушенно-зеленого и кирпично-красного цвета. – Надо перерисовать узор в большем формате, дорисовать его на длину альбомного листа, а потом подобрать гармоничную цветовую гамму. Вот этот образец в строгих оттенках, еще надо было сделать в радостных цветах и спокойной гамме.

– Да, сложно, – кивнула я головой. – Долго сидели над каждой работой?

– Очень, – кивнула Светлана. – Хотя я и училась в Париже на художника, не могу сказать, что мне учеба дается проще, чем остальным. Скорее всего, у меня другое отношение к каждому предмету. Некоторые девушки, поступившие после школы, толком не знают, чем они хотят заниматься, поэтому и к учебе относятся несерьезно. У нас, мало того, нельзя пропускать пары даже по болезни – надо посещать дополнительно «храм», чтобы заниматься мастерством в свободное время. Иначе ничего не получится.

– Храм? – удивилась я. – Вы в церкви, что ли, занимаетесь?

– Нет, – снова улыбнулась Света. – «Храм» – это наша аудитория, мастерская иконописцев. Там мы работаем с иконами. Кроме нас, в «храме» ни у кого нет занятий, другим студентам туда приходиться не разрешают. Там же и диплом делают, мы иногда занимаемся вместе с ребятами со старших курсов. Дипломников у нас еще нет, художественное заведение сравнительно недавно открылось. Точнее, это филиал Санкт-Петербургской высшей школы народных искусств, в Тарасове наше художественное заведение сделано по уже имеющемуся образцу. Я

давно хотела пойти туда учиться, когда жила в Питере, но из-за работы ничего не получалось. Зато когда переехали с мужем в Тарасов, все как-то само собой сложилось.

– Как замечательно, что ваш муж, Роман Александрович, тоже художник – воодушевленно сказала я, изображая клиническую идиотку. Ставила на эффект неожиданности: если между Светланой и Кузнецовым есть любовная связь, женщина как-то выдаст это – пускай даже мимикой или жестом. Но женщина только улыбнулась в ответ.

– Почему вы решили, что я замужем за Романом Александровичем? – поинтересовалась она. – Даже странно услышать такое предположение! Нет, мой муж совершенно не человек искусства, он управляющий кофейнями.

Жалко, прокол. Светланина улыбка могла означать что угодно – и «какая чушь несусветная», и «как вы догадались». Я попробовала зайти с другого бока.

– Просто как-то само в голову пришло, – пояснила я. – Вы художница, он художник, ну значит, муж и жена... Да, глупость сморозила, простите. А как выглядит этот «храм»? Можно посмотреть на него?

– Только когда поступите на наше отделение, – покачала головой женщина. – Даже в День открытых дверей «храм» закрыт, в остальные мастерские заходить можно, а в нашу – нет. Что поделаешь, таков устав института...

Ну это мы еще посмотрим, подумала я про себя. Чтобы частный детектив Татьяна Иванова спасовала перед каким-то закрытым «храмом» в стенах учебного заведения? Эх, дорогая моя Светлана Куприянова, ты даже представить себе не можешь, в какие запретные комнаты мне приходилось проникать за годы своей работы на поприще расследования преступлений! Взломать сейф, отпереть сложный хитроумный замок, проникнуть в неприступные катакомбы – да для меня это раз плюнуть! Пускай кто-то мастерски рисует натюрморты, а я могу распутать самое сложное дело, которое не по силам даже ребятам из полиции...

– Ладно, нельзя так нельзя, – изобразила я смирение. – А «храм» этот что, прямо в институте находится? На что он похож, там алтарь даже имеется?

– Нет никакого алтаря, – возразила Света. – «Храм» – это такая же мастерская, как и остальные, только больше по размеру. И не мольберты там, а столы, за которыми студенты выполняют задания. К сожалению, у меня нет фотографий, чтоб вам показать, раз так интересно.

– То есть называется эта аудитория «храмом» потому, что там работают иконописцы? – поняла я. – А где тогда мастерская лаковой миниатюры, ее-то можно посмотреть?

– Ну, специальной мастерской нет, мы же одно отделение, – пояснила Светлана. – В основном некоторые задания мы выполняем в соседней с «храмом» аудитории на пятом этаже, только там нет ничего особо интересного. Такие же планшеты с композицией, что и на этаже кружевоплетения или художественной вышивки, вот и все.

– Я бы хотела посмотреть орнаменты, – ухватила я за возможность выведать, где расположен этот таинственный запретный «храм». – Мне важно знать специфику узоров, я тогда дома поищу что-нибудь подобное, покопирую.

– На занятии лучше не выходить из кабинета, – предупредила женщина. – Лучше приходите весной на День открытых дверей, там вроде будут какие-то мастер-классы по шкатулкам проходить. Интересно, должно быть.

– Да, я приду, конечно, – заверила я ее. – А кстати, когда я проходила мимо второго этажа, то слышала какие-то странные звуки, вроде какие-то удары по дереву. Это резьбой по кости занимались? Или ювелиры?

– На втором этаже аудитории рядом с лестницей отведены под художественное кружевоплетение. Наверно, вы их слышали – они же палочками специальными работают. А резчики по кости используют аппараты, наподобие стоматологических бормашин, они точно такие же звуки издают. Кстати, тоже весьма занятный факультет, из кости можно разные красивые вещи

изготовить – шкатулки узорные, гребни для волос, украшения. Если придете на День открытых дверей, очень советую к ним зайти, может, какую вещицу для себя сделаете!

– Как все это интересно! – воскликнула я. – А роспись по ткани, у них как занятия проходят?

– Ну если вы представляете себе расписанные ткани, то это как раз и есть художественная роспись, – пояснила Светлана. – По-другому это – батик. В основном на первом курсе студенты разрисовывают платки специальными красками и контуром. Да вы наверняка видели шарфики, накидки, которые разрисованы каким-либо орнаментом. В Интернете можно много примеров найти. Кафедра батика на четвертом этаже, только надо подняться с третьего этажа, где художественная вышивка. По второй лестнице – профильные мастерские, а если подниматься, как мы, то можно попасть в аудитории общеобразовательных предметов и в кабинеты живописи и рисунка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.